

Къ прот. зас. совѣта

6 мая 1871 г. ст. 3.

1. Мнѣніе ордин. проф. Щелкова,

представленное въ медицинскій факультетъ

1 мая 1871 года.

По поводу представленія г. Оболенскаго для замѣщенія ка-
федры общей патологіи, считаю необходимымъ обратить внима-
ніе факультета на нѣкоторые обстоятельства этого дѣла.

Извѣстно, что до 1863 года не полагалось особой кафедрой
для этого предмета; она установлена новымъ университетскимъ
уставомъ. Этимъ актомъ законодатель призналъ важность об-
щей патологіи для медицинскаго образованія. Но нельзя одна-
ко не замѣтить, что общей патологіи, какъ вполне опредѣлив-
шейся науки, еще не существуетъ; развитіе ея — дѣло будуща-
го и оно возможно только въ томъ случаѣ, когда къ вопросамъ
ея будутъ примѣнены тѣ-же методы изслѣдованія, которые до-
ставили уже столь блестящіе результаты въ физиологіи. Этихъ
обстоятельствъ не слѣдуетъ, мнѣ кажется, упускать изъ виду,
обсуждая вопросъ объ открытіи и замѣщеніи новой кафедры
общей патологіи. Если факультетъ признаетъ важность и не-

обходимость этого предмета и рѣшается ходатайствовать объ открытіи отдѣльной для него каѳедры, то онъ необходимо долженъ требовать отъ лица, представляемого кандидатомъ для замѣщенія ея, полныхъ гарантій въ томъ, что оно имѣетъ достаточную подготовку для добросовѣстнаго преподаванія этого предмета. Въ г. Оболенскомъ я не могу видѣть такого кандидата; разсмотрѣвъ его сочиненія, я убѣдился, что всѣ они (за исключеніемъ небольшой статейки по физиологической химіи) относятся къ патологической анатоміи. Противъ достоинствъ ихъ я не могу ничего сказать; они могутъ служить доказательствомъ многолѣтнихъ занятій г. Оболенскаго патологическою анатоміей, знакомства его съ техническими приемами патолого-анатомическаго изслѣдованія, могутъ подавать надежду, что онъ окажется способнымъ къ самостоятельному труду (всѣ его сочиненія написаны подъ руководствомъ другихъ лицъ), но они отнюдь не могутъ служить доказательствомъ подготовки его для занятія мѣста преподавателя общей патологіи. Мнѣ могутъ конечно возразить, что патологическая анатомія—необходимый и весьма важный предметъ для общаго патолога; это—вѣрно. Патологическая анатомія такъ точно необходима для общаго патолога, какъ описательная и микроскопическая анатомія необходима для физиолога; но неужели факультетъ рѣшился бы предоставить каѳедру физиологіи лицу, которое предъявило бы ему только доказательства своего знакомства съ этими двумя предметами? На это никто не затруднится отвѣчать отрицательно, потому что здѣсь дѣло слишкомъ очевидное; относительно же общей патологіи это считается возможнымъ потому, какъ мнѣ кажется, что понятіе объ общей патологіи не успѣло еще выйти изъ тѣхъ узкихъ и вполнѣ несоотвѣствующихъ рамокъ, въ которыя вставляли еще въ недавнее прошлое этотъ предметъ. Но стоитъ только взглянуть на предметы занятій общей патологіи для того, чтобы убѣдиться вполнѣ, что одной патологической

ческой анатоміи, безъ серьезной экспериментально-физиологической подготовки, совершенно недостаточно для преподавателя этой науки. Спрашивается, какимъ образомъ можно безъ такой подготовки составить себѣ самостоятельное понятіе и передать его толково своимъ слушателямъ о такихъ отдѣлахъ общей патологии, какъ, наприм., расстройства кровообращенія, расстройства питанія, ученіе о лихорадкѣ, о воспаленіи, ученіе о причинахъ болѣзни? Я думаю, никто не будетъ спорить, что всѣ эти отдѣлы можетъ успѣшно разрабатывать и преподавать только лицо, имѣющее серьезную физиологическую подготовку; но что-же останется отъ общей патологии, если исключить эти отдѣлы?

Принимая во вниманіе все сказанное, я прихожу къ убѣжденію, что г. Оболенскій не представляетъ ручательства въ томъ, чтобы онъ обладалъ необходимою для профессора общей патологии подготовкою, а потому и предоставленіе ему этой кафедрѣ не дозволяетъ ожидать какихъ-либо благопріятныхъ для факультета результатовъ въ будущемъ.

Въ-заключеніе считаю необходимымъ упомянуть, что я вполне понимаю затруднительное положеніе факультета, въ виду того, что нѣтъ лица, которому бы можно было поручить временно преподаваніе общей патологии; какъ это было заявлено г. деканомъ. Мнѣ кажется однако, что одного этого мотива еще недостаточно, чтобы предоставить кафедре лицу къ ней неподготовленному; по моему мнѣнію, лучше совершенно прекратить на одинъ или даже на два года преподаваніе общей патологии, чѣмъ затормозить дѣло на 25 лѣтъ опредѣленіемъ лица, неудовлетворяющаго современнымъ требованіямъ науки.

2. Мнѣніе ордин. проф. Зарубина,

представленное въ медицинскій факультетъ
4 мая 1871 года.

Имѣю честь представить факультету письменно мои возраженія, сдѣланныя въ факультетскомъ собраніи 1 мая на мнѣніе проф. Щелкова, по поводу представленія доктора Оболенскаго для замѣщенія каѳедры общей патологіи.

Мнѣніе проф. Щелкова удобно раздѣляется на двѣ половины: въ одной онъ выставляетъ свои требованія отъ преподавателя общей патологіи, въ другой примѣняетъ эти требованія къ предложенному мною кандидату, г. Оболенскому. Разсмотримъ это мнѣніе въ томъ и другомъ отношеніяхъ.

Проф. Щелковъ считаетъ необходимымъ требовать отъ преподавателя общей патологіи, помимо основательнаго и спеціальнаго знанія патологической анатоміи, гистологіи, общей патологіи и методовъ экспериментальныхъ изслѣдованій, употребляемыхъ въ послѣдней, еще спеціальнаго и серьезнаго знакомства съ методами экспериментальной физиологіи, которое должно быть доказано самостоятельными научными работами. Такое требованіе, конечно, нельзя назвать дурнымъ, потому что физиологія, какъ извѣстно, есть одна изъ важнѣйшихъ основныхъ наукъ медицинскаго факультета; но, къ сожалѣнію, оно не можетъ быть выполнено въ примѣненіи къ каѳедрѣ общей патологіи. Независимо отъ того, требованіе отъ преподавателя общей патологіи прямыхъ доказательствъ спеціальнаго знакомства съ патологическою анатоміею, гистологіею, общею патологіею и экспериментальными приемами послѣдней на-столько важно и обширно, что оно дѣлаетъ совершенно излишнимъ еще особенное требованіе доказательствъ спеціальнаго занятія экспериментальными изслѣдованіями по нормальной физиологіи; потому

что первое требованіе заключаетъ въ себѣ всѣ главныя условія, необходимыя для современнаго преподаванія общей патологіи въ смыслъ патологической фізіологіи. Такъ-какъ общая патологія есть не что иное, какъ общая патологическая фізіологія, то для преподавателя ея столько-же необходимо знаніе патологической анатоміи съ гистологіею, какъ говорить самъ проф. Щелковъ, сколько для фізіолога необходимо знаніе описательной и микроскопической анатоміи. Но такъ-какъ патологическая анатомія съ патологическою гистологіею есть наука гораздо болѣе сложная и трудная и требующая гораздо болѣе продолжительныхъ занятій для ея усвоенія, особенно въ приложеніи ея къ общей патологіи, чѣмъ нормальная анатомія и гистологія въ отношеніи къ фізіологіи; то, въ силу этого, отъ кандидата на кафедрѣ общей патологіи нужно гораздо больше требовать спеціальныхъ познаній по патологической анатоміи, чѣмъ требуется отъ кандидата на кафедрѣ фізіологіи знакомства съ описательною анатоміею. Поэтому-то кандидатъ на кафедрѣ общей патологіи долженъ представить прежде всего спеціальныя сочиненія по патологической анатоміи и вмѣстѣ съ тѣмъ прямыя доказательства знакомства съ общею патологіей; потому что это въ состояніи дать наиболѣе опредѣленное понятіе о содержаніи и направленіи будущаго его преподаванія. Въ послѣднемъ случаѣ естественно должно быть обращено главное вниманіе на знакомство этого кандидата съ экспериментальными приѣмами, употребляемыми въ общей патологіи, какъ по причинѣ особенной трудности ихъ, такъ и потому, что наука обязана имъ во многомъ своимъ современнымъ прогрессомъ. Такимъ образомъ если кандидатъ на кафедрѣ общей патологіи представляетъ достаточныя и неоспоримыя доказательства своего основательнаго знакомства не только съ патологическою анатоміею и гистологіею, но и съ главными частями экспериментальной общей патологіи; то требованіе отъ него еще доказа-

тельствъ серьезнаго знакомства его съ экспериментальною физиологією становится уже совершенно излишнимъ. Кроме того, такое требованіе едва ли даже можетъ быть кѣмъ-либо выполнено; потому что спеціальныя познанія и занятія, требуемыя отъ преподавателей общей патологіи, съ одной стороны, и отъ преподавателей физиологіи съ другой, такъ обширны и такъ различны между собою, что нѣтъ, кажется, примѣра въ цѣлой Европѣ, чтобы объ эти спеціальности въ одинаковой мѣрѣ совмѣщались въ одномъ лицѣ или въ одномъ какомъ-либо преподавателѣ. Если возьмемъ для примѣра преподавателей общей патологіи въ Германіи, ставшихъ даже главными дѣятелями въ современномъ прогрессѣ этой науки, напр. Вирхова, Реклинггаузена, Конгейма и другихъ, то увидимъ, что ни одинъ изъ нихъ не представляетъ особенныхъ доказательствъ спеціальныхъ занятій своихъ по экспериментальной физиологіи, но что всѣ они извѣстны преимущественно своими трудами по патологической анатоміи, гистологіи и экспериментальной общей патологіи. То-же самое совершается на нашихъ глазахъ въ Россіи. Припомнимъ, напр., что кіевскій университетъ принялъ недавно на кафедру общей патологіи профессора гистологіи, не смотря на то, что у него не было прямыхъ доказательствъ основательнаго знакомства его не только съ экспериментальною физиологією, но даже и съ экспериментальною частью общей патологіи. Тѣмъ не менѣе едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что кіевскій университетъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и нашелъ въ немъ достойнаго преподавателя общей патологіи и хорошаго руководителя студентовъ въ занятіяхъ ею. Я не считаю себя въ-правѣ не обратить также вниманія на замѣчательный примѣръ, приведенный проф. Щелковымъ въ числѣ доводовъ для опроверженія возраженія, сдѣланнаго ему мною во время преній по этому предмету въ факультетскомъ собраніи. Въ доказательство чрезвычайной важности знанія патоло-

гической анатоміи для самостоятельной разработки общей патологіи, я сослался, между прочимъ, на то, что въ Германіи, которая, конечно, въ дѣлѣ пониманія состава и объема науки далеко опередила насъ, преподаваніе общей патологіи возлагается на профессоровъ патологической анатоміи. Уже одна эта внѣшняя обстановка общей патологіи достаточно показываетъ, насколько близка и тѣсна связь ея съ патологическою анатоміею. Помимо того, самыми капитальными работами и сочиненіями по общей патологіи медицина обязана преимущественно патологическимъ анатомамъ. Самыми лучшими экспериментаторами и учителями въ этомъ отношеніи представляются опять-таки патологическіе анатомы. При невозможности опровергнуть представленныя мною факты, проф. Щелковъ, въ видахъ ослабленія доказательной силы ихъ, указалъ для примѣра на берлинскій медицинскій факультетъ, въ которомъ проф. Вирховъ, какъ убѣдился проф. Щелковъ собственнымъ опытомъ, преподаетъ общую патологію крайне односторонне и не-удовлетворительно. Такъ-какъ этотъ примѣръ самымъ рельефнымъ образомъ уясняетъ требованія проф. Щелкова, то я считаю себя обязаннымъ выставить въ надлежащемъ свѣтѣ истинное значеніе его. Допустимъ, что проф. Щелковъ совершенно правъ; что-же въ такомъ случаѣ слѣдуетъ заключить изъ приведеннаго имъ примѣра? Имя проф. Вирхова, такъ популярно не только въ медицинскомъ, но и вообще въ ученомъ мірѣ, что, вѣжеству, я не ошибусь, если скажу, что даже и не специалисты могутъ сколько-нибудь судить о немъ. Почти все медики Европы признаютъ въ немъ гениальнаго и знаменитаго ученаго, который своими изслѣдованіями произвелъ совершенную реформу общей патологіи. И вотъ этотъ-то ученый, по отзыву проф. Щелкова, такъ плохо читаетъ общую патологію, что можно, пожалуй, назвать почти бесполезнымъ преподаваніе его. Если-жъ такой знаменитый ученый, занимающій касседу

въ одномъ изъ лучшихъ и богатѣйшихъ столичныхъ университетовъ Европы, имѣющій у себя подъ рукою отдѣльную лабораторію экспериментальной патологической физиологіи и физиологической химіи, не удовлетворяетъ требованіямъ проф. Щелкова, то спрашивается: можетъ ли удовлетворить имъ кто-нибудь изъ обыкновенныхъ смертныхъ и притомъ на каедрѣ бѣднаго учебными пособиями провинціального русскаго университета? Навѣрно, нѣтъ. Вотъ какое заключеніе вытекаетъ изъ приѣзда, представленнаго проф. Щелковымъ, если впрочемъ допустить справедливость его. Но дѣло въ томъ, что сужденіе проф. Щелкова о Вирховѣ положительно невѣрно и несправедливо. Я самъ имѣлъ счастье (говорю: счастье, ни мало не преувеличивая выраженія) въ продолженіе цѣлаго зимняго семестра посѣщать и слушать всѣ какъ обязательныя, такъ и частныя лекціи Вирхова, и скажу откровенно, вопреки моимъ ожиданіямъ, не нашелъ въ немъ необыкновеннаго или даже просто замѣчательнаго оратора; но зато я, равно какъ и всѣ слушавшіе его, сколько мнѣ извѣстно, единодушно вынесли убѣжденіе, что лекціи этого профессора слѣдуетъ записывать золотыми буквами и — отъ слова до слова. Такъ не только думали тѣ, которые, подобно мнѣ, приготовлялись къ преподавательской дѣятельности; такъ поступали на самомъ дѣлѣ даже люди, уже давно обучавшіе другихъ. Я самъ былъ очевидцемъ, какъ проф. Боткинъ, уже пріобрѣтшій довольно громкую извѣстность не только въ Россіи, но даже и въ остальной Европѣ, во время лѣтняго путешествія за-границею, при кратковременной остановкѣ въ Берлинѣ, не пропускалъ ни одной лекціи Вирхова и спѣшилъ при этомъ почти съ быстротою стенографа записывать въ своей памятной книжкѣ если не каждое слово, то и навѣрно каждую мысль этого профессора. Къ сказанному, которое довольно говорить само за себя, я полагаю достаточнымъ прибавить только, что изъ школы этого плохаго, но

по мнѣнію проф. Щелкова, преподавателя общей патологіи вы-
шли между прочимъ два ученика, которыхъ въ настоящее вре-
мя всѣ ученые признаютъ лучшими экспериментаторами и ру-
ководителями по общей патологіи въ Европѣ; это — проф. Рек-
лингхаузенъ въ Вюрцбургѣ и проф. Конгеймъ въ Киль. Къ
первому изъ нихъ, какъ я упомянулъ въ моемъ представленіи,
отправился для занятій и работъ по общей патологіи и пред-
ложенный мною кандидатъ на кафедру общей патологіи, докторъ
Оболенскій.

Если-бы, слѣдовательно, съ точки зрѣнія проф. Щелкова
цѣлнть современныхъ преподавателей и даже главныхъ двига-
телей современной общей патологіи, то нужно было бы при-
знать ихъ всѣхъ неудовлетворяющими требованіямъ этой науки,
закрыть повсюду кафедру общей патологіи и выжидать не го-
ды, а можетъ быть десятки лѣтъ такихъ идеальныхъ канди-
датовъ на кафедру общей патологіи, которые удовлетворяли бы
требованіямъ проф. Щелкова. Послѣ приведеннаго примѣра
берлинскаго университета, конечно, каждому понятно, что ни-
гдѣ въ Европѣ общая патологія не имѣетъ такой обстановки,
какой требуетъ проф. Щелковъ; его понятія о ней совершен-
но идеальны и въ настоящее время рѣшительно не осуществи-
мы. Съ этимъ впрочемъ согласенъ и самъ проф. Щелковъ;
по мнѣнію его, общая патологія еще не существуетъ, она — на-
ука будущаго времени; въ виду этого, проф. Щелковъ ни мало
не задумывается вычеркнуть совершенно общую патологію изъ
списка наукъ, преподаваемыхъ въ медицинскомъ факультетѣ.
Мнѣ кажется, что въ цѣлой Европѣ въ первый разъ высказы-
вается мнѣніе, что лучше совсѣмъ не учить студентовъ об-
щей патологіи, чѣмъ преподавать ее такъ, какъ она теперь
преподается повсюду въ медицинскихъ школахъ. Привести въ
исполненіе такое оригинальное мнѣніе значило бы ни больше,

стію къ патологической анатоміи, которая составляетъ существенную основу общей патологіи, частію къ физиологической химіи, а частію имѣють прямое отношеніе къ патологической физиологіи, и притомъ къ важнѣйшимъ частямъ экспериментальной общей патологіи, какъ это видно изъ представленныхъ о нихъ рецензій профессорами: Лямблемъ, Кремнянскимъ, а также и самимъ проф. Щелковымъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что мнѣніе профессора Щелкова о сочиненіяхъ г. Оболенскаго, высказанное въ отдѣльномъ рапортѣ о немъ, находится въ прямомъ противорѣчій съ его собственною рецензіей ихъ. Рецензируя, по порученію факультета, два сочиненія доктора Оболенскаго, проф. Щелковъ описываетъ изложенные въ нихъ эксперименты, относящіеся къ общей патологіи, и вовсе не высказываетъ при этомъ мнѣнія, что эти сочиненія относятся къ патологической анатоміи, а не къ общей патологіи. Въ самомъ дѣлѣ, кто-бы изъ понимающихъ дѣло могъ относить къ патологической анатоміи, а не къ патологической физиологіи или общей экспериментальной патологіи такихъ сочиненій, въ которыхъ напр. опредѣляется, посредствомъ экспериментовъ на животныхъ, вліяніе сѣмяннаго нерва на питаніе и существованіе яичка, или вносится кровь одной лягушки подъ кожу другой для изученія послѣдовательныхъ измѣненій крови въ сосудахъ, впрыскивается въ кровь нерастворимое красящее вещество съ цѣлію опредѣлить источникъ образованія гноя при воспаленіи и т. п.? Кромѣ того, такъ-какъ изъ сочиненій доктора Оболенскаго видно достаточное практическое знакомство его съ экспериментальною общеою патологіею, то не естественно ли заключить изъ этого о знакомствѣ его съ нормальною экспериментальною физиологіею, чѣмъ заподозрѣвать его въ незнаніи ея, тѣмъ болѣе, что г. Оболенскій обнаруживаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ такое пониманіе вивисекцій, анатоміи, микроскопа, химіи и физики, которое съ пользою можетъ

быть приложено и къ изслѣдованіямъ по нормальной физиологіи. Припомнимъ при этомъ факты, также не безызвѣстныя, вѣроятно, проф. Щелкову, на-счетъ того именно, что г. Оболенскій вышелъ изъ прекрасной и хорошо извѣстной даже въ Европѣ физиологической школы проф. Съченова, который особенно славится курсомъ экспериментальной физиологіи, и что онъ въ настоящее время за границею специально занимается въ Тюбингенѣ у Гоппе-Зейлера физиологическою химіею и даже заявилъ научными изслѣдованіями свои солидныя познанія въ ней.

Наконецъ проф. Щелковъ въ заключеніе своего мнѣнія, старается предостеречь отъ 25-лѣтняго обремененія факультета преподавателемъ, неудовлетворяющимъ современнымъ требованіямъ науки. Для предотвращенія этого обремененія, онъ предлагаетъ даже самую крайнюю мѣру, именно — совершенную пріостановку преподаванія общей патологіи. Послѣ всего вышесказаннаго каждому очевидно, что подобное опасеніе проф. Щелкова едва-ли можетъ имѣть какія-либо дѣйствительныя, а не призрачныя только, основанія; иначе слѣдовало бы пожалѣть и о берлинскомъ университетѣ, который, если я не ошибаюсь, уже болѣе 25 лѣтъ безропотно терпитъ проф. Вирхова, какъ преподавателя общей патологіи.

Относясь совершенно безпристрастно къ дѣлу, принимая во вниманіе тѣ познанія г. Оболенскаго въ патологической анатоміи, общей патологіи и особенно въ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ, которыя онъ обнаруживаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, я питаю полную надежду, что медицинскій факультетъ найдетъ въ немъ почтенную, свѣжую и дѣятельную ученую силу, и что предложенный мною кандидатъ, при тѣхъ задаткахъ, которыми онъ обладаетъ, будетъ не только достойнымъ преподавателемъ общей патологіи, но и хорошимъ руководителемъ студентовъ въ практическихъ занятіяхъ ею. Съ указанной точки зрѣнія нельзя не признать, что г. Оболенскій является не толь-

ко вполне готовымъ, но и рѣдкимъ и едва ли скоро замѣнимымъ кандидатомъ на кафедре общей патологии; потому что для пріобрѣтенія такой подготовки къ этой кафедрѣ, какая пріобрѣтена докторомъ Оболенскимъ, требуется не только много времени, труда и способности, но и особенное стеченіе благоприятныхъ для этого обстоятельствъ при первоначальномъ образованіи и первыхъ занятіяхъ врача.

3. Заявленіе ординарнаго профессора Шелекова,
представленное при подписаніи протокола засѣданія совѣта
6 мая 1871 г.

Мнѣніе проф. Зарубина, вынуждаетъ меня заявить, что въ немъ не точно передано мое, словесно высказанное въ факультетскомъ засѣданіи, сужденіе о лекціяхъ проф. Вирхова по общей патологии. Я никогда не называлъ ихъ плохими, а тѣмъ менѣе бесполезными; мое мнѣніе состояло лишь въ томъ, что онѣ односторонни въ томъ смыслѣ, что отдѣлы общей патологии, примыкающіе къ патологической анатоміи, излагаются Вирховымъ гораздо подробнѣе и отчетливѣе остальныхъ.

4. Заявленіе профессора Зарубина,
представленное имъ при подписаніи протокола засѣданія совѣта
6 мая.

Въ засѣданіи совѣта университета 6 мая, во время преній, возникшихъ по поводу представленія медицинскимъ факультетомъ прозектора Оболенскаго на кафедре общей патологии, однимъ изъ членовъ совѣта было между прочимъ выражено удивленіе на-счетъ того, что медицинскій факультетъ не соглашается съ мнѣніемъ специалиста-физиолога. Считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ для разъясненія этого обстоятельства. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что медицинскій факультетъ (или большинство членовъ его) можетъ не соглашаться

съ мнѣніемъ специалиста по физиологіи, наукѣ о здоровой жизни, когда дѣло касается патологіи, науки о больной жизни. Теперь каждому врачу извѣстно, что современные физиологи большею частію отчуждаются, а нѣкоторые даже совершенно отрѣшаются отъ патологіи (или медицины) и дѣлаются чистыми естествоиспытателями; мало того: мы видимъ даже, что знаменитости изъ нихъ переходятъ изъ медицинскаго факультета въ естественный (напр. Гельмгольцъ, Сѣченовъ). Изъ этого понятна возможность особенной точки зрѣнія и несогласія физиолога съ патологами въ вопросахъ о патологіи. Но я полагаю, что въ подобныхъ вопросахъ едвали справедливо мнѣніе специалиста-физиолога ставить выше мнѣнія почти цѣлаго медицинскаго факультета, корпоративнаго, такъ сказать, представителя патологіи. На-сколько подвижны могутъ быть убѣжденія специалиста-физиолога въ этомъ отношеніи, наглядно можетъ доказать слѣдующій случай.

17 декабря 1864 г. медиц. факультетъ вошелъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ, въ которомъ изложилъ, что въ началѣ 1861 г. былъ командированъ за границу докторъ Хржонщевскій и, по удостовѣренію тайнаго совѣтника Пирогова, своими работами обратилъ на себя вниманіе германскихъ ученыхъ. Вслѣдствіе этого, министерство народнаго просвѣщенія, на основаніи похвальныхъ отзывовъ профессоровъ вюрдбургскаго университета, а также на основаніи заявленія тайнаго совѣтника Пирогова, что д-ръ Хржонщевскій можетъ тотчасъ же занять катедру патологической анатоміи, предлагало медицинскому факультету, не найдетъ ли онъ возможнымъ предоставить г. Хржонщевскому мѣсто доцента по патологической анатоміи. По обсужденіи этого предложенія, факультетъ, принимая во вниманіе три работы д-ра Хржонщевского, относящіяся къ (нормальному) строенію легкихъ, печени и почекъ, пришелъ къ заключенію, что приобрѣтеніе д-ра Хржонщевского было бы для

него желательно. Но такъ-какъ катедра патологической анатоміи въ то время уже имѣла своего представителя въ факультетѣ, въ лицѣ проф. Дамбля, то факультетъ порѣшилъ предложить г. Хржонщевскому, не пожелаетъ ли онъ занять мѣсто доцента по общей патологіи, съ тѣмъ, что имѣющая открыться катедра общей патологіи будетъ предоставлена ему. Д-ръ Хржонщевскій принялъ это предложеніе и прислалъ копію съ похвального свидѣтельства, выданнаго ему профессоромъ патологической анатоміи и общей патологіи въ Берлинѣ Вирховымъ.

Изложенное выше вкратцѣ представленіе медицинскаго факультета написано собственноручно проф. Щелковымъ и подписано имъ, какъ секретаремъ факультета; стало быть, редація его принадлежитъ проф. Щелкову, журналъ факультетскаго собранія, обсуждавшего это представленіе, также подписанъ проф. Щелковымъ, безъ заявленія особеннаго мнѣнія; слѣдовательно, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что проф. Щелковъ вполне соглашался съ мотивами, въ силу которыхъ медич. факультетъ положилъ предоставить г. Хржонщевскому катедру общей патологіи.

Выставивъ этотъ голый фактъ, я не нахожу надобности прибавлять къ нему еще какой-либо комментарий. Я покорнѣе прошу гг. членовъ совѣта, сопоставивши эти прежнія данныя съ нынѣшнимъ представленіемъ медицинскаго факультета и мнѣніемъ проф. Щелкова, обсудить спокойно и безпристрастно, насколько согласно сами съ собою высказываются медич. факультетъ и специалистъ фізіологіи въ одномъ и томъ-же вопросѣ о наукѣ общей патологіи.

5. Разборъ сочиненія д-ра Оболенскаго:

«Исслѣдованіе гнойныхъ формъ воспаления мягкой мозговой оболочки у человека и животныхъ въ патолого-анатомическомъ отношеніи» (докторская диссертация). Спб. 1868 г.,

представленный въ медицинскій факультетъ ордин. профессоромъ
Кремянскимъ.

Разсматриваемое сочиненіе д-ра Оболенскаго имѣетъ по своему содержанію и способамъ изслѣдованія немаловажное значеніе для науки, особенно для патологической анатоміи и общей патологіи. Въ немъ авторъ занимается разрѣшеніемъ преимущественно трехъ задачъ:

а) установленіемъ полной и точной картины патолого-анатомическихъ явленій эпидемическаго воспаления мягкой мозговой оболочки (*meningitis cerebrospinalis epidemica*).

б) опредѣленіемъ отношенія этой формы болѣзни къ другимъ формамъ гнойнаго воспаления мягкой мозговой оболочки, особенно же къ травматическому воспаленію ея, и

в) опредѣленіемъ источника образованія гистологическихъ продуктовъ этого воспаления.

а) Для разрѣшенія первой изъ этихъ задачъ, авторъ пользуется не только литературными данными, но главнымъ образомъ — собственными патолого-анатомическими изслѣдованіями на девяти трупахъ людей съ эпидемическимъ воспаленіемъ мягкой мозговой оболочки, вскрытыхъ при патолого-анатомическомъ кабинетѣ профессора Руднева въ с.-петербургской медико-хирургической академіи съ сентября 1867 по сентябрь 1868 года. Въ главныхъ чертахъ результаты его изслѣдованій по этому предмету сводятся къ тому, что при эпидемическомъ воспаленіи мягкой мозговой оболочки всегда одновременно обнаруживаются на трупахъ слѣды гнойнаго или другаго рода вос-

паленія какъ въ частяхъ ея, покрывающихъ головной мозгъ, такъ и въ частяхъ ея, относящихся къ спинному мозгу (*meningitis cerebrospinalis*), что слѣды эти на различныхъ частяхъ ея неравнобѣжны и что одновременно съ этимъ всегда также существуютъ слѣды острыхъ измѣненій въ селезенкѣ, почкахъ, печени, сердцѣ и въ некоторыхъ другихъ органахъ. Хотя представленная имъ картина анатомическихъ измѣненій и не различаетъ въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ ничего безусловно-новаго, но зато она въ цѣломъ представляетъ такое полное, ясное и вѣрное изображеніе всѣхъ существенныхъ патолого-анатомическихъ явленій эпидемического воспаленія мягкой мозговой оболочки, которая съ такими важными достоинствами до сихъ поръ еще ни кѣмъ не была сдѣлана, и потому сочиненіе Оболенскаго даже съ этой стороны получаетъ немаловажное значеніе въ медицинской русской и иностранной литературѣ.

б) При разрѣшеніи второй изъ названныхъ задачъ авторъ обратилъ главное вниманіе на опредѣленіе способа распространенія воспаленія мягкой мозговой оболочки отъ головной ея части къ спинной при эпидемическомъ и травматическомъ ея воспаленіи; потому что правильное разрѣшеніе этого вопроса можетъ служить однимъ изъ важныхъ пособій для разъясненія существенныхъ свойствъ и ближайшихъ причинъ эпидемического менингита. Извѣстно, что одни изслѣдователи объясняютъ одновременное и притомъ всегда неравнобѣрное пораженіе мягкой оболочки головного и спинного мозга, замѣчаемое при вскрытіи труповъ людей съ эпидемическимъ голово-спиннымъ менингитомъ, такимъ образомъ, что въ этихъ случаяхъ первоначально страдаетъ одна какая-либо часть головной мягкой оболочки, а затѣмъ отъ этой части пораженіе со-временемъ распространяется и на всѣ другія ея части или по закону сродства и смежности тканей, или въ силу механическаго перемѣщенія гноя отъ одной части въ другую, напр. съ верхней головной части на

нижня, а оттуда на верхнюю часть спинной мягкой оболочки и т. д. При такомъ взглядѣ, становится возможнымъ и другія болѣе или менѣе постоянныя измѣненія въ различныхъ частяхъ организма, напр. въ селезенкѣ, почкахъ, печени и сердца, замѣчаемыя при вскрытіи такихъ труповъ, относить также къ вторичнымъ или послѣдовательнымъ явленіямъ, какъ результаты постепенной реакціи организма на возникающій рядъ мѣстныхъ страданій мягкой мозговой оболочки. Но что всего важнѣе въ этомъ дѣлѣ для патологии, такъ это — то, что, при такомъ взглядѣ на развитіе воспаленія мягкой мозговой оболочки, возможно разсматривать эпидемическое ея воспаленіе, какъ результатъ дѣйствія случайной какой-либо мѣстной причины на отдѣльную часть мягкой мозговой оболочки наравнѣ съ травматическими или другими спорадическими, напр. ревматическими случаями этого воспаленія, а съ симъ вмѣстѣ и отбросить заботу объ открытіи особенныхъ мiasmатическихъ причинъ происхожденія этой болѣзни. Но другіе изслѣдователи считаютъ недоказанною такую возможность постепеннаго распространенія воспаленія мягкой оболочки и такого послѣдовательнаго развитія болѣзненныхъ измѣненій во всемъ организмѣ не только при эпидемическомъ менингитѣ, но и при травматическомъ, а потому и объясняютъ одновременную встрѣчу на трупахъ пораженія всей мягкой оболочки головного и спинного мозга, а также и страданій другихъ органовъ за результатъ дѣйствія особеннаго яда на кровь и чрезъ посредство крови на всю мягкую мозговую оболочку и на нѣкоторыя другія части организма, подобно тому, какъ это бываетъ, напр., при другихъ мiasmатическихъ болѣзняхъ, тифахъ и т. п.

Разрѣшить эти вопросы надъ одними людьми безъ экспериментовъ надъ животными сказывается невозможнымъ за недостаткомъ пригоднаго къ дѣлу клиническаго матеріала. Поэтому авторъ поставилъ себѣ задачей путемъ эксперимен-

тальнымъ надъ различными животными выяснитъ способъ заболѣванія мягкой мозговой оболочки при эпидемическомъ менингитѣ и опредѣлитъ отношеніе этого заболѣванія къ заболѣванію той-же оболочки при травматической формѣ менингита (стр. 13, строк. 25). Для этой цѣли, онъ произвелъ 21 опытъ надъ животными, именно — 14 надъ кроликами и 7 надъ собаками.

Опыты эти состояли въ томъ, что вырѣзывалась у животныхъ на головѣ часть кости и соответствующій кусокъ твердой мозговой оболочки; за-тѣмъ дѣлалось прижиганіе мягкой мозговой оболочки ляписомъ, или ѣдкимъ кали *in substantia*, или растворомъ ѣдкого кали (36%), за-симъ рана зашивалась и животное, при тщательномъ за нимъ наблюденіи съ измѣреніемъ даже его температуры, оставлялось жить отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ недѣль.

Въ результатѣ этихъ опытовъ оказалось то важное обстоятельство, что воспаленіе мягкой оболочки головного мозга, даже при самомъ сильномъ и обширномъ прижиганіи ея, ни разу не распространялось на мягкую оболочку спинного мозга и что при этомъ также ни разу не было никакихъ измѣненій въ другихъ органахъ, страдающихъ при эпидемическомъ воспаленіи мягкой мозговой оболочки. Такая разница въ патолого-анатомической картинѣ между эпидемическимъ и травматическимъ воспаленіемъ мягкой мозговой оболочки даетъ автору достаточное основаніе отвергать первую изъ предложенныхъ возможностей распространенія воспаленія мягкой мозговой оболочки и при эпидемическомъ менингитѣ и относить эту послѣднюю форму страданія къ общимъ болѣзнямъ наравнѣ съ другими мiasmатическими болѣзнями.

Что касается до спорадическаго не травматическаго гнойнаго менингита, то авторъ самъ его не наблюдалъ и не могъ, конечно, вызвать его искусственно; но онъ, на основаніи собранныхъ имъ литературныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ, высказываетъ довольно основательное предположеніе о сродствѣ этой формѣ

болѣзни съ эпидемическимъ менингитомъ, какъ относительно способа развитія анатомическихъ измѣненій, такъ и относительно ея причинъ. Въ послѣднемъ случаѣ авторъ высказываетъ также глубокое пониманіе общей патологии, особенно въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ онъ касается сравненія менингита съ брюшнымъ тифомъ (стр. 20, стр. сн. 1 и 2 и стран. 21).

в) Но особенно важное и непосредственное значеніе для общей патологии представляютъ тѣ мѣста разсматриваемаго сочиненія, въ которыхъ авторъ занимается разъясненіемъ вопроса о происхожденіи гнойныхъ шариковъ при менингитѣ (стр. 22 и 23). Перечисливъ главныя мнѣнія объ этомъ предметѣ и не находя ихъ довольно основательными, авторъ заявляетъ достаточныя патолого-анатомическія основанія для рѣшенія этого вопроса въ смыслъ новой, такъ называемой целлюлярно-эмигративной теоріи воспаленія, въ силу которой выходящіе изъ цѣльныхъ сосудовъ бѣлые кровяные шарики считаются главнымъ источникомъ образованія гноя во всѣхъ мѣстахъ организма. Но при этомъ авторъ считаетъ необходимымъ, для прямого примѣненія этого столь важнаго обще-патологическаго положенія къ данному случаю, произвести эксперименты надъ животными съ приложеніемъ при воспаленіи мягкой мозговой оболочки того же контрольнаго метода впрыскиванія киновари въ кровь, при посредствѣ котораго доказано участіе бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ въ образованіи гистологическихъ продуктовъ воспаленія во многихъ другихъ частяхъ организма. При этомъ тѣмъ болѣе видна самостоятельность въ разработкѣ важныхъ обще-патологическихъ вопросовъ и приложенія къ дѣлу новаго важнаго метода изслѣдованія, что ближайшій руководитель автора въ его работахъ, извѣстный русскій ученый, проф. Рудневъ, высказывалъ до этого времени совсѣмъ другое мнѣніе о происхожденіи гноя при этомъ воспаленіи и что, слѣдовательно, авторъ въ этомъ случаѣ долженъ былъ для разъясненія истины

преодолѣть вліяніе ближайшаго авторитета. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія также и то обстоятельство, что авторъ употребилъ для доказательства участія бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ въ образованіи гноя при менингитѣ способъ впрыскиванія киновари въ кровь съ такими предосторожностями и при такихъ условіяхъ, при которыхъ присутствіе киновари въ гнойныхъ шарикахъ дѣйствительно должно служить доказательствомъ происхожденія этихъ шариковъ непосредственно изъ эмигрирующихъ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. Это обстоятельство также указываетъ на умѣнье автора обращаться съ труднѣйшими приѣмами экспериментальной техники, употребляемой въ общей патологіи, потому что методъ впрыскиванія киновари въ кровь, употребляемый для подобной же цѣли безъ надлежащаго знанія дѣла, оказывался иногда, какъ видно изъ работы Рейда, сдѣланной подъ руководствомъ Штрикера и разобранный въ одной изъ моихъ статей (Прот. общ. русск. врачей въ С.-Петербурѣ 2 октября 1868 года), совсѣмъ непригоднымъ къ дѣлу.

Такъ-какъ эта рецензія написана по порученію факультета, вслѣдствіе представленія д-ра Оболенскаго на кафедру общей патологіи въ харьковскомъ университетѣ, то я долгомъ считаю присоединить къ сказанному, что рассматриваемое сочиненіе г. Оболенскаго обнаруживаетъ въ немъ, указанными достоинствами, такую основательную и прочную подготовку къ самостоятельнымъ занятіямъ общею патологіею въ самомъ лучшемъ современномъ ея направленіи, что уже оно одно, даже безъ всѣхъ другихъ обстоятельствъ дѣла, можетъ служить достаточною рекомендаціею для занятія авторомъ кафедры общей патологіи въ любомъ университетѣ; но и всѣ другія, извѣстныя мнѣ на-счетъ г. Оболенскаго, данныя позволяютъ вполне надѣяться на процвѣтаніе кафедры общей патологіи въ томъ университетѣ, въ которомъ онъ будетъ ее занимать.

6. Развѣръ сочиненій д-ра Оболенскаго:

1) «Объ организациі крови» и 2) «Die Durchschneidung des N. spermaticus und deren Einfluss auf den Hoden», представленный въ медицинскій факультетъ орд. проф. Щелковымъ.

1. Первая статья, озаглавленная, быть можетъ, не совсѣмъ уместно *объ организациі крови*, разсматриваетъ вопросъ о способности кровяного сгустка давать происхожденіе постоянной организованной ткани. Въ началѣ статьи, г. Оболенскій приводитъ мнѣнія различныхъ лицъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, изъ которыхъ одни (Андреевъ, Риндфлейшъ, Вильротъ, Веберъ) высказались въ пользу способности кровяного сгустка давать происхожденіе постоянной, именно — соединительной ткани, тогда какъ другіе (Вирховъ, Штиллинъ, Цвикки, Яновичъ-Чайнскій и Богдановскій) отрицаютъ такую способность кровяного сгустка. Затѣмъ г. Оболенскій описываетъ рядъ опытовъ, произведенныхъ имъ по этому предмету; они дѣлались такъ, что свернувшаяся лягушечья кровь, содержащая значительное количество бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, вводилась подъ кожу спины другой, здоровой лягушки, которая оставлялась жить опредѣленное время (одинъ, два и т. д. дней). По истеченіи этого времени лягушка убивалась и кровяной сгустокъ подвергался макро- и микроскопическому изслѣдованію, описаннымъ въ статьѣ способомъ. Такимъ способомъ г. Оболенскій прослѣдилъ послѣдовательно измѣненія, претерпѣваемые гистологическими элементами сгустка, находившагося подъ кожей отъ одного до сорока дней. Результатъ его наблюденій состоитъ въ томъ, что гистологическіе элементы сгустка, какъ кровяные шарики, такъ и фибринъ, постепенно разрушаются путемъ жироваго метаморфоза и превращаются въ детритусъ, къ которому примѣшаны зернышки пигмента, происшедшаго отъ распадѣнія красныхъ кровяныхъ шариковъ.

Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, г. Оболенскій заключаетъ, что вопросъ о дѣятельномъ участіи крови при организаціи тромбовъ *скорѣе* рѣшается отрицательно. Въ концѣ статьи авторъ описываетъ случай закупориванія воротной вены, найденный при патолого-анатомическомъ вскрытіи, могущій, по его мнѣнію, служить подтвержденіемъ мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что источникомъ соединительной ткани, встречающейся въ массѣ тромбовъ, служатъ стѣнки сосудовъ.

Чтеніе статьи, содержаніе которой изложено выше, оставляетъ вообще хорошее впечатлѣніе, особенно той ея части, которая излагаетъ собственные наблюденія автора; описаніе ихъ сдѣлано (очень коротко, но вмѣстѣ съ тѣмъ настолько точно и ясно, что позволяетъ читателю составить себѣ вполне ясное представленіе о томъ, что наблюдалъ авторъ. Хорошее впечатлѣніе производитъ также и осторожная форма, въ которой авторъ высказываетъ выведенное имъ изъ своихъ наблюденій положеніе; такая осторожность была дѣйствительно необходима, такъ какъ сгустки, измѣненія которыхъ наблюдалъ авторъ, находились не въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ могутъ находиться сгустки въ полости кровеносныхъ сосудовъ.

2. Во второй статьѣ г. Оболенскій описываетъ свои наблюденія надъ вліяніемъ перерѣзки *n. spermatici* на яичко. Они вызваны были замѣчаніемъ Нелатона, что иногда послѣ перерѣзки этого нерва происходитъ атрофія яичка. Опыты были сдѣланы надъ нѣсколькими кроликами и собакою, которымъ перерѣзывался *n. spermaticus* по выходѣ изъ наружнаго отверстія паховаго канала. Первые 2 — 3 недѣли незамѣтно было снаружи никакихъ измѣненій въ яичкѣ; но затѣмъ наступала ея атрофія, которая черезъ 4 мѣсяца доходила до того, что ощупываніемъ невозможно было отличить яичка отъ сѣменнаго канатика. Убивая животныхъ спустя 2, 3, 4 мѣсяца послѣ операціи, авторъ убѣдился, что уменьшеніе яичка зависитъ отъ ис-

чезанія железистой ткани. Процессъ начинается съ смянныхъ каналцевъ яичка, эпителий которыхъ подвергается жировому перерожденію, а оболочка превращается въ волокнистую соединительную ткань, смѣшивающуюся съ промежуточною соединительною тканью. Сѣменные каналы придатка подвергаются такому-же измѣненію, но позже; промежуточная ткань при этомъ не подвергается никакимъ измѣненіямъ. Авторъ убѣдился при своихъ опытахъ, что описанныя измѣненія не зависятъ отъ поврежденій сосудовъ при операциі и ихъ послѣдовательнаго запиранія; они не происходятъ также при перерѣзкѣ выносящаго канала при неповрежденныхъ нервахъ. Въ слѣдствіе всего этого авторъ приходитъ къ тому заключенію, что описанныя выше явленія атрофіи яичка зависятъ отъ прекращенія нервнаго вліянія.

Въ концѣ статьи авторъ сообщаетъ краткое описаніе интереснаго случая атрофіи яичка, замѣченнаго имъ на трупѣ 40-лѣтняго мужчины. Микроскопическое изслѣдованіе яичка показало въ немъ такія-же измѣненія, какія наблюдалъ авторъ при своихъ опытахъ надъ животными. N. spermaticus соответствующей стороны находился въ полномъ жировомъ перерожденіи. Яичко и нервъ другой стороны не представляли никакихъ измѣненій. Авторъ полагаетъ, что въ этомъ случаѣ атрофія яичка зависѣла отъ первичнаго пораженія нерва.

Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что обѣ статьи написаны г. Оболенскимъ въ бытность его студентомъ и сдѣланы подъ руководствомъ и при содѣйствіи г. Руднева.

7. Разборъ сочиненій д-ра Оболенскаго,

представленный въ медицинскій факультетъ
орд. проф. Ламблемъ.

1) «Сосочковая опухоль гаймеровой полости». И. Н. Оболенскаго. Медицинскій Вѣстникъ 1867. № 30 и 31. 2) «О дифференціальной діагностикѣ лимфо-саркомъ». Его-же и тамъ-

же, 1869. № 48. 3) «Миксо-аденома грудной железы мужчины». Его-же съ табл. рис. Журналъ для нормальной и патологической гистологіи 1870. Іюль. 11, стр. 26—33.

Означенныя три статьи д-ра Оболенскаго имѣютъ много сходнаго между собою, особенно въ томъ отношеніи, что въ нихъ описываются замѣчательные случаи новообразованій съ общепатологическими выводами. Всѣ они, не смотря на свой небольшой объемъ, имѣютъ неоспоримое значеніе для науки, особенно для патологической анатоміи и общей патологии, потому что нѣкоторые описываемые въ нихъ случаи новообразованій отличаются рѣдкостью, а самое описаніе всѣхъ ихъ сопровождается особенною тщательною обработкою предмета со стороны автора.

1. Въ первой изъ нихъ описывается рѣдкая въ гаймеровой полости сосочковая опухоль. При этомъ сначала приводится литература какъ этой, такъ и другихъ опухолей, встречающихся въ гаймеровой полости; затѣмъ, послѣ описанія клинической и анатомической картины даннаго случая, опредѣляется характеръ и главныя патологическія отношенія этой опухоли къ другимъ новообразованіямъ. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательно, по самостоятельности взгляда автора въ томъ мѣстѣ (стр. 287), въ которомъ онъ довольно удачно критикуетъ предложенное Ферстеромъ дѣленіе сосочковыхъ опухолей.

2. Во второй статьѣ авторъ описываетъ въ такомъ-же родѣ случай лимфосаркомы или лимфомы, занимавшей правую сторону шеи и достигшій до величины головы ребенка.

Въ началѣ статьи, онъ дѣлаетъ краткій критическій разборъ литературы этой опухоли, при чемъ указываетъ на неопредѣленность или сбивчивость современнаго ученія о лимфосаркомахъ, затѣмъ представляетъ подробное и точное микроскопическое изслѣдованіе даннаго случая и наконецъ вырабатываетъ данныя для дифференціальной діагностики этой опухоли, особенно для отличія ея отъ нѣкоторыхъ сходн. съ нею формъ раковыхъ и саркоматозныхъ опухолей.

Въ этомъ случаѣ онъ высказываетъ не только значительную начитанность, но и такое глубокое пониманіе ученія о новообразованияхъ, которое приобрѣтается не иначе, какъ собственными основательными и продолжительными микроскопическими изслѣдованіями различныхъ новообразованій.

Въ третьей изъ упомянутыхъ статей авторъ занимается разработкою истрѣтившагося ему также въ анатомо-анатомическомъ кабинетѣ проф. Руднева рѣдкаго случая миксо-аденоми грудной железы мужчины.

Опухоль эта развилась у 50-лѣтняго мужчины въ продолженіе двухъ лѣтъ непосредственно послѣ мѣстнаго ушиба, достигла величины кулака върослаго человѣка, сопровождалась сильными болями, а также изъязвленіемъ и истощеніемъ. Она до экстирпации принята была за ракъ.

При микроскопическомъ ея изслѣдованіи оказалась картина, свойственная по мѣстамъ типу железистой ткани, а по мѣстамъ слизистой саркомѣ. При этомъ заслуживаетъ особенной цѣны въ научномъ отношеніи какъ то обстоятельство, что такая опухоль грудной железы мужчины нигдѣ еще до сихъ поръ не была описана, такъ и подробности и точность описанія ея, сдѣланныя авторомъ. Такимъ образомъ разсматриваемыя сочиненія д-ра Оболенскаго приобрѣтаютъ указанными достоинствами значеніе не только въ русской, но и въ иностранной медицинской литературѣ, и, вѣсть съ тѣмъ, даютъ весьма выгодное понятіе о способностяхъ и познаніяхъ автора ихъ.

8. Разборъ сочиненія д-ра Оболенскаго о муцинѣ, представленный въ медицинскій факультетъ орл. проф. Тихоновичемъ.

Обработываніемъ подчелюстной железы водою и осажденіемъ воднаго экстракта уксусною кислотою г. Оболенскій получилъ особенное тѣло, которому уже прежде дали названіе муцина.

Весьма тщательно онъ опредѣлилъ въ немъ количество органическихъ и минеральныхъ веществъ, растворимыхъ и нерастворимыхъ въ водѣ, а при помощи органическаго сжигенія опредѣлилъ въ немъ процентное содержаніе углерода, водорода азота и не нашелъ въ немъ сѣры. Далѣе онъ изслѣдовалъ отношеніе этого тѣла въ влажномъ состояніи и въ высушенномъ видѣ къ различнымъ реагентамъ и наконецъ, подвергая его дѣйствію разведенной сѣрной кислоты, онъ получилъ вещество, дѣйствующее на пробу Троммера. Натуру химическую послѣдняго тѣла онъ не опредѣлилъ болѣе обстоятельно, оставляя за собою дальнѣйшее разслѣдованіе этого продукта.

Хотя ни одинъ классъ тѣлъ, рассматриваемый въ органической химіи, не былъ такъ ревностно подвергаемъ многочисленнымъ химическимъ изслѣдованіямъ, какъ протеиновыя тѣла и ихъ ближайшія производныя, но, не смотря на это, ученіе объ этихъ въ высшей степени интересныхъ тѣлахъ и до сихъ поръ представляетъ еще множество пробѣловъ. Вотъ почему всякая новая работа надъ этими тѣлами, въ какомъ бы направленіи она ни была предпринята, расширяя кругъ нашихъ свѣдѣній объ нихъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Къ числу подобныхъ работъ, весьма интересныхъ для фізіологической химіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень трудныхъ при ихъ выполненіи и требующихъ много времени и большой оцѣнки, принадлежитъ изслѣдованіе г. Оболенскаго относительно муцина. Хотя мнѣ пришлось судить объ этихъ работахъ по предварительному сообщенію, но тѣмъ не менѣе изъ него видно, что авторъ ихъ познакомился уже съ нѣкоторыми важнѣйшими приемами и методами изслѣдованія, употребляемыми химиками при качественномъ и количественномъ изслѣдованіи тѣлъ, а равно и при опредѣленіи химической природы ихъ.